

К ОЦЕНКАМ ИЗУЧЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ УЗБЕКИСТАНА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.14948238>

Ш.И.Асадова

к.и.н., доцент

Резюме

В статье рассматривается вопрос организации исторической науки Узбекистана советской историографией. Предпринята попытка определить значение исследования системы организации науки, также как важно «организация науки», а в отдельных случаях необходимо для предельно полного и ясного понимания всего предшествующего опыта научно-исторической практики и перспектив ее развития.

Ключевые слова

Узбекистан, Средняя Азия, исторические знания, научные учреждения, научно-исследовательский процесс, фундаментальная наука, Ф.Касымов, Б.Луниин, экономика, культура, специалист, историограф.

ON THE ASSESSMENT OF THE ORGANIZATION OF HISTORICAL SCIENCE IN UZBEKISTAN BY SOVIET HISTORIOGRAPHY

Summary

This article examines the issue of the organization of historical science in Uzbekistan as viewed by Soviet historiography. An attempt is made to determine the significance of studying the system of scientific organization, as well as the importance of the concept of "scientific organization." In certain cases, such an analysis is necessary for a comprehensive and clear understanding of the entire previous experience of scientific and historical practice and the prospects for its development.

Keywords

Uzbekistan, Central Asia, historical knowledge, scientific institutions, research process, fundamental science, F. Kasymov, B. Lunin, economy, culture, specialist, historiographer.

В данной статье речь пойдет о том, какую конкретную ценность для развития в Узбекистане научных исторических знаний имеет исследование системы их организации, почему максимально четкое представление о таком

понятии, как «организация науки» важно, а в отдельных случаях необходимо для предельно полного и ясного понимания всего предшествующего опыта научно-исторической практики и перспектив ее развития.

Говоря о накопленном в Узбекистане за советский период и годы независимости научно-исследовательском опыте в сфере историографии, представляется важным определить дисциплинарно-понятийную и содержательную суть такой сугубо прагматической категории, как «организация и функционирование исторической науки»^{*}.

Историческая и историографическая практика доказала, что наличие большого проблемно-тематического комплекса, связанного с организацией исторической науки, обуславливает необходимость всестороннего изучения всех вопросов ее деятельности и функционирования на протяжении определенных исторических периодов. Целью такого изучения является выявление ведущих закономерностей и тенденций развития системы организации, ее влияния на развитие и качество научно-исторических знаний.

Первые работы по организации исторической науки в рамках СССР появились в 1920-30-е годы. Это были обзоры и небольшие в массе своей публикации о деятельности только что сформированных научных учреждений исторического профиля [1].

Что дают эти материалы нам сегодня, в условиях независимости? Прежде всего, мы имеем возможность представить, на каких конкретно научно-организационных принципах и функциональных основаниях выстраивалась принципиально новая (для того времени) система исторической науки в «центре» и, соответственно, «на местах» (так называемые «национальные периферии», к которым в то время также относился и Узбекистан). С другой стороны, публикации 1920-30-х годов, несмотря на их известную идеологизированность, показывают, каким образом в целом был сформирован процесс подготовки научно-исследовательских кадров, организации исследовательской деятельности, начиная с рядового сотрудника - до отдела, сектора или в целом учреждения. Дело в том, что в

^{*} Здесь, на наш взгляд, следует учитывать, что издававшиеся в советский период материалы о методологии исторической науки, историографии (вообще и, в частности), о системе организации научно-исследовательской деятельности и т.д. и т.п. в целом по стране (СССР) и по так называемым национальным республикам (включая Узбекистан), имели единую идейно-проблемную структуру. В связи с тем, что Узбекистан - союзная республика - некогда представлял собой одну из «национально-государственных единиц» бывшего СССР, историческая наука республики, как писали в свое время историографы тех лет, была «органической, неразрывной и составной частью» общесоюзной исторической науки. И, следовательно, выходявшие в так называемом «центре страны» (Москва) печатные и рукописные материалы на данную тему, в общем и целом, имели непосредственное, а в отдельных случаях - прямое отношение к исторической науке Узбекистана, не потерявшие, кстати, научной значимости и практической ценности по настоящий день. Аналогичные публикации, разумеется, выходили в свет, собственно, и в Узбекской ССР, о чем речь пойдет ниже.

Узбекистане, равно как и в других союзных/национальных образованиях, организация исторической науки представляла собой «малую копию» того, что происходило в Москве и Ленинграде. Очевидно, сегодня трудно говорить, хорошо или плохо это было. Просто таковыми были те времена и, следовательно, важно воспринимать содержательную специфику того периода как данность, «не выставя счет» организаторам так называемой социалистической научно-исторической культуры, замешанной на принципах тоталитарной идеологии.

Если говорить по существу, то указанным выше работам был присущ так называемый «визуальный подход», суть которого состояла в фиксации имеющихся в распоряжении исследователей фактов без их предметного анализа и обобщения.

Аналогичная ситуация, конечно же, наблюдалась и в Узбекистане [2]. Но вот на что, по нашему мнению, следует обратить особое внимание. В работах, посвященных науке Узбекистана вообще, можно довольно отчетливо проследить процесс становления и развития научной исторической мысли (правда, главным образом, в системе обществоведения). Причем, историческая наука представлена была в этой литературе в контексте единого и комплексного процесса, отобразившего одинаковые творческие усилия и присущую периоду 1920-30-х годов эмоциональную напряженность - от специалистов, представляющих все сферы научных знаний, включая, разумеется, и историю. Как писали советские историографы, историческая наука сыграла ведущую роль по реализации в Узбекистане так называемой «культурной революции» [3], в общий контекст которой также входило создание советской системы организации науки. Авторы публикаций по истории науки Узбекистана показывали, как в республике происходил общий процесс складывания советской системы научных учреждений, каковым был вклад науки в развитие экономики и культуры. Несмотря на то, что эти работы по своему содержанию не подпадают под характер историографических, поскольку не содержат целевого анализа исторической литературы, они, тем не менее, помогают получить общее представление о становлении и организации научных центров исторического профиля через призму общих аспектов текущей динамики научной жизни.

Если говорить строго о вопросах изучения организации исторической науки, то ранее им посвящались отдельные, разрозненные и не связанные между собой публикации и диссертации, «разбросанные» как в проблемно-тематическом, так и в хронологическом отношении. К первым таким материалам следует отнести попытки осмыслить процесс организации

научно-исследовательской деятельности в вузах республики [4]. К сожалению, авторы этих публикаций показывали лишь конечные результаты научно-исследовательской работы на исторических факультетах и кафедрах вузов Узбекистана. То есть показывали исследовательскую направленность вузовских работников, степень освещенности изучаемых проблем и менее всего - собственно сам процесс такой работы, включающий подготовку кадров историков (в том числе высшей квалификации), выбор, определение и утверждение исследовательских тем и направлений, подготовку планов научно-исследовательских работ, обеспечение научного руководства и консультирования аспирантов, докторантов и т.д.

То же следует сказать и в адрес многочисленных журнальных публикаций 1960-70-х годов о развитии исторической науки республики, в которых содержатся лишь некоторые, и то незначительные, фрагменты организации научно-исследовательского процесса [5]. В лучшем случае, эти статьи содержали либо сугубо статистические данные (количество подготовленных специалистов, защищенных диссертаций и т.д.), либо постановку задач развития исторической науки (повышение эффективности научных исследований, улучшение качества подготовки кадров высшей квалификации и т.п.). Иными словами, в научно-организационном плане указанные материалы носили общий, схематический характер, без детального и конкретно-обстоятельного рассмотрения того, как функционировала историческая наука республики, что именно (в пошаговом смысле) необходимо было предпринять для «повышения эффективности» и «улучшения качества» ее деятельности.

Конечно же, предпринимались и целенаправленные попытки осмыслить некоторые организационные аспекты исторической науки Узбекистана. В этом отношении заслуживает профессионального уважения очерк М.Ахуновой и Б.Лунина [6], в котором, наряду с описанием сухих, казалось бы, статистических данных о развитии научно-исторических знаний, анализируется процесс изучения досоветского прошлого Узбекистана. Ценность этого труда состоит в том, что его авторы, говоря современным языком, осуществили «пилотный проект» по комплексному исследованию историографического прошлого республики.

Кстати сказать, помимо очерка М.Ахуновой и Б.Лунина издавались другие публикации с научным описанием развития общественной, философской и исторической мысли в Узбекистане [7]. Не менее интересными видятся и такие важные с точки зрения организации

досоветской науки, но весьма специфичные материалы, как персоналии, раскрывающие сущность «творческих лабораторий» историков [8].

В качестве главного «организационно-образующего» аргумента в этих исследованиях показывается, что основой «научной жизнедеятельности» досоветского Узбекистана являлось русское востоковедение в лице ученых-подвижников, изучавших историю, традиционную культуру и обычаи коренного населения Туркестанского края, Бухары и Хивы. Не оспаривая сей факт как таковой, все же отметим, что советская историография совершенно упустила из виду научное наследие местных просветителей и общественных деятелей*, которые, независимо от русских исследователей, также самостоятельно изучали историческое прошлое своего народа [9]. Они не располагали необходимым для полноценного научного исследования методологическим инструментарием, но их безусловным достоинством являлось то, что они изучали историю и уклад жизни своего народа, что называется, изнутри. Представляется, что это важное «организационное обстоятельство» необходимо принимать во внимание, если мы пытаемся по максимуму и объективно судить о развитии в Узбекистане исторических знаний.

Вновь возвращаясь к советской литературе, хотелось бы отметить изданную в Узбекистане монографию Г.Алексеевой (Москва) и Г.Желтовой (Ташкент), посвященной организации исторической науки в СССР в 1920-30-е годы [10]. Обращает внимание, что, в основном благодаря материалам Г.Желтовой, в книге большое внимание уделяется освещению организационно-функциональных процессов исторической науки собственно в Узбекистане. При всем том, что авторы зачастую смешивали понятие «организация» с процессом создания, становления первых советских центров исторической науки, в монографии все же были отражены некоторые моменты системы организации научно-исследовательской работы, главным образом, государственные, правовые и политические решения в данной сфере.

Так же следует отметить аналитический труд Ф.Касимова [11], в которой, помимо анализа специальной литературы по вопросам политики, экономики и культуры Узбекистана, автор выделил основные организационно-функциональные тенденции исторической науки

* По большей части это делалось намеренно, по политическим соображениям. В условиях господства тоталитарной идеологии практически все общественные деятели-узбеки досоветского периода огульно и практически подряд были причислены в разряд реакционеров и клерикалов.

республики*. По мнению ученого, это, *во-первых*, подготовка кадров профессиональных историков и обществоведов; *во-вторых*, создание научных учреждений, организаций и учебных заведений исторического профиля; *в-третьих*, организация исследовательской деятельности; *в-четвертых*, участие в формировании в Узбекистане системы исторической науки научных учреждений так называемого «центра» страны (СССР) [12].

Нельзя также не указать и на опубликованные материалы, указывающие на то, что организационные и функциональные процессы, происходящие внутри научно-исторической системы, являются составной частью общественного развития [13].

Анализ публикаций, посвященных «кадровой теме», позволяют сделать вывод о том, что процесс осмысления путей, форм и методов организации и развития в Узбекистане системы высшего исторического образования начался уже в 1920-30-е годы, в период так называемой «культурной революции» [14]. Причем, к вопросам организации подготовки кадров историков, главным образом, в общем контексте становления и развития советской системы народного образования и просвещения в эти годы обращались не профессиональные историки, а политики - партийные и государственные деятели [15].

В целом, оценивая литературу по вопросам организации исторической науки Узбекистана, вышедшей в советское время, следует отметить следующее. Как правило, в трудах предшествующей эпохи система организации, функционирования и развития исторической науки рассматривается с положительной стороны, как сплошная цепь позитивно-прогрессивных явлений. Причем, историографы нередко грешили противопоставлением «достижений и преимуществ» советской научно-исторической школы осуществлявшимся в досоветский период профильным исследованиям. Разумеется, не в пользу последних.

Между тем, в советской системе научно-исторических знаний обозначились существенные недостатки и пробелы. Исторические исследования (особенно в 1960-70-е годы) постепенно приобретали экстенсивный характер, поскольку их содержание в целом ряде случаев не только было оторвано от реального положения дел, складывавшихся в СССР, но и не отвечало требованиям времени, не несло фундированной теоретической нагрузки и практической значимости. При этом, несмотря на начатую во второй половине 1980-х годов «перестройку» в советском обществе

* Считаем, что критика уместна в условиях реально существующей системы, а не постфактум в ее отсутствие. Хотя, явное искажение фактов, конечно же, должно быть подвергнуто корректировке и формулированию новых содержательных версий исторического прошлого, включая прошлое собственно самой исторической науки.

и открытие новых «источниковых шлюзов», историческая наука продолжала оперировать идеологическими догмами тоталитарной системы.

Говоря в этом контексте об организации научно-исторической работы в Узбекистане, следует подчеркнуть, что целый ряд научных разработок, называемых в годы советского строя приоритетными, не представляли интереса ни для фундаментальной науки, ни для самого общества. Отмечалось снижение качества подготовки исторических кадров в вузах, формальное отношение к аттестации научных и научно-педагогических кадров, благодушное отношение к качеству докторских и кандидатских диссертаций и т.д.

Все это вместе взятое влекло за собой серьезные деформации в концептуальной и содержательной части научно-исторической мысли, скопление «узких звеньев» либо, напротив, нагромождения в проблемно-тематической сфере научных знаний о прошлом. К моменту распада Советского союза историки были разобщены как по идеологическим (сторонники марксизма и так называемой демократии), так и методологическим принципам исследовательской практики. Соответственно, историческая наука в целом представляла собой дезинтеграционный конгломерат всевозможных концепций, точек зрения и воззрений на историческое прошлое.

Что же касается разработки самих вопросов организации исторической науки Узбекистана, то в советской историографии слабо либо недостаточно полно показан (а в отдельных случаях это вовсе отсутствует) процесс интеграции проблемно-тематических сфер и направлений, взаимодействия между фундаментальной и прикладной наукой, с одной стороны, и академического, вузовского и отраслевого секторов, – с другой стороны. Достаточно слабо изучалась степень практического применения/использования научно-исторических знаний в общественно-политической, экономической и культурно-гуманитарной практике республики. Некоторые исследователи рассматривали организационные аспекты науки в отрыве от системы общественных отношений, конкретных изменений в социуме и политике, тогда как историческая наука, по нашему глубокому убеждению, должна рассматриваться как социальный институт, включенный в общие процессы организации и функционирования общества.

И содержательные проблемы исторического прошлого Узбекистана, и история исторической науки, система организации научно-исследовательских учреждений находились в зависимости от господствовавшей в течение 74 лет марксистской идеологии. Отечественная

историография сверяла свою работу с партийными документами КПСС, подводя итоги исследовательской работы «от съезда к съезду». В условиях тоталитарного режима исторической науке предписывалось, о чем и как писать, что и каким образом оценивать.

Несомненно, все это говорится не в качестве некоего укора в адрес советских историков и историографов*, а как констатация реально существовавшей в условиях советской власти ситуации, в которой оказалась страна, общество и их «хронограф» - историческая наука.

Какие следует извлечь уроки из вышесказанного?

Во-первых. Имевшиеся в советскую эпоху положительные моменты вряд ли логично отрицать сегодня, прежде всего, в силу того, что это является частью истории нашей страны и в силу того, что большинство нынешних исследователей-историков имеют советскую «корневую основу». Думается, что, как и достижения философской, обществоведческой мысли Средней Азии в средние века и новое время, деятельность исторической науки советского периода должна оставаться объектом пристального внимания нынешних исследователей. Особенно с учетом того, что историческая наука как целостная система научно-исторического познания* оформилась в Узбекистане именно в годы советской власти, тогда как до этого подобной системы на территории республики просто не существовало.

Во-вторых. Следует признать, что оставшаяся от советского прошлого историографическая информация по вопросам организации и функционирования исторической науки может быть в определенной мере использована в современной практике. С той лишь разницей, что в условиях национально-государственной независимости изменился доктринально-методологический «стержень» функционирования науки. И, соответственно этому, появились ее новые организационные и структурные формы, задачи и условия обеспечения научно-исторического творчества.

В-третьих. Изучая опыт организации исторической науки в советскую эпоху, и сопоставляя его с нынешними реалиями, представляется целесообразным приступить к научному анализу и обобщению аналогичных аспектов исторической науки независимого Узбекистана. В республике

* Считаем, что критика уместна в условиях реально существующей системы, а не постфактум в ее отсутствие. Хотя, явное искажение фактов, конечно же, должно быть подвергнуто корректировке и формулированию новых содержательных версий исторического прошлого, включая прошлое собственно самой исторической науки.

* В данном случае мы имеем в виду, что наука представляет собой сферу человеческой деятельности, функция которой состоит в выработке и теоретической систематизации объективных знаний о действительности. Это - одна из форм общественного сознания, включающая как деятельность по получению нового знания, так и ее результат - сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира и обозначения отдельных отраслей научного знания. См. также: Старостин Б. К определению понятия науки // Вестник Московского университета. М.: МГУ, 199 с.

осуществлен колоссальный объем работы по структурному реформированию и реорганизации всей системы научной деятельности в области исторических дисциплин, направленных на повышение качества исследований и подготовки кадров историков. Эти вопросы должны стать предметом внимания наших ученых. Главное - это не голая констатация достижений, а, прежде всего, критическая оценка того, что еще не сделано и по какой причине, и что подлежит текущей модернизации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Покровский М. Общественные науки в России за 4 года // Наука в советской России. М., 1922. С. 20-34; Удальцов А. Очерк истории социалистической Академии (1913-1922) // Вестник социалистической Академии. М., 1922. № 1. С. 5-12; Наука и научные работники СССР: Справочник, составленный Комиссией «Наука и научные работники». Ч. I-VIII. Л., 1926-1934; Общественные науки в СССР: 1917-1927 гг. / Под ред. В.Волгина. М., 1928. 65 с.
2. Наука в Узбекистане за XV лет (1924-1939гг.): Сб. ст. Ташкент, 1939. 200 с.; Сарымсаков Т. Основные этапы развития науки в Узбекистане // Юбилей. сб., посв. 25-летию Узбекской ССР. Ташкент, 1949. 142 с.; Муминов И. Академии наук Узбекской ССР - 25 лет // Общественные науки в Узбекистане (ОНУ). Ташкент. 1968. № 11. С. 3-6; Абдуллаев Х. 40 лет советской науки в Узбекистане. Ташкент: Фан, 1958. 56 с.; Арифов У. Наука советского Узбекистана. Ташкент. Фан: 1964. 60 с.; Охунжонов О. Из истории формирования кадров узбекской советской интеллигенции. Ташкент: Фан, 1972. 120 с.; и др.
3. Желтова Г. Социалистическое строительство в Узбекистане (20-30-е годы): Историографический очерк. Ташкент: Фан, 1975. С. 3-20.
4. Ковалев П., Назаров М., Чабров Г. Научно-исследовательская работа кафедры истории СССР исторического факультета САГУ [ТашГУ] им. В.И.Ленина в 1953-1956 гг. // Известия Академии наук [АН] УзССР. Серия общественных наук. Ташкент. 1957. № 1. С. 40-49; Аминов М. Научно-исследовательская работа исторического факультета Узбекского государственного университета им. А.Навои // Там же. № 2. С. 30-42; Чабров Г. О работе кружка истории изучения Средней Азии в 1962 году // ОНУ. 1963. № 6. С. 80-83; Макатаев А. К вопросу организации изучения истории рабочего класса Узбекистана на историческом факультете ТППИ им.Низами. Ташкент, 1988.

С. 50-62; и др.

5. Набиев Р. О некоторых итогах развития исторической науки Узбекистана // Известия АН УзССР. Серия общественных наук. 1949. № 1. С. 3-15; Турсунов Х. Некоторые задачи исторической науки в Узбекистане // Там же. 1954. № 1. С. 12-17; Житов К. Некоторые вопросы развития исторической науки в свете новой Программы КПСС // ОНУ. 1962. № 1. С. 3-7; Аминова Р., Ахунова М., Бабаходжаев А., Гулямов Я. Развитие исторической науки в Узбекистане в свете решений XXIII съезда КПСС // Там же. 1966. № 6. С. 3-10; Ахунова М., Лунин Б. Из опыта историко-краеведческой работы в Средней Азии и Казахстане (20-30-е годы) // История СССР. 1968. № 5. С. 62-70; Ахунова М. Состояние и перспективы развития исторических исследований в Узбекистане // Там же. 1972. № 11-12. С. 12-20; Ее же. Развитие исторической науки в Узбекистане // Материалы научной сессии АН УзССР и СамГУ, посвященной 50-летию Самаркандского госуниверситета им. А.Навои. Самарканд, 1978. С. 5-17; Зияев Х. Историческая наука в Узбекистане в период от XXIV к XXV съезду КПСС // Там же. 1976. № 2. С. 3-12; Турсунов Х., Ахунова М., Нуруллин Р. Актуальные проблемы исторической науки в Узбекистане // Коммунист Узбекистана. Ташкент. 1977. № 6. С. 19-27; и мн. др.

6. Ахунова М., Лунин Б. История исторической науки в Узбекистане: Краткий очерк. Ташкент, 1970.

7. Муминов И. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане в конце XIX - начале XX вв. Ташкент, 1955. 83 с. (Его же и то же. доп. издание. Ташкент, 1957. 214с.); Его же. Из истории общественной и философской мысли Узбекистана конца XIX и начала XX вв. // Тр. Узб. гос. ун.-та. Ташкент, 1969. нов. сер. Вып. 40. С. 1-71; Сагдиев А. Из истории исторической науки в Туркестане // Уч. зап. ТППИ им. Низами. Ташкент, 1958. Вып. 9. С. 107-117; Его же. Историческая наука в Туркестане в XIX в. Ташкент, 1960. 180с.; Его же. Роль русского востоковедения в развитии исторической науки в Туркестане во второй половине XIXв. // Там же. 1961. Вып. XXIII. Ч. III. С. 133-157; Лунин Б. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917гг.). Ташкент, 1958. 320с.; и др.

8. В этом направлении см. следующие, напр., работы Б.Лунина: Ориенталист-туркестановед Евгений Федорович Каль // Тр. ТашГУ. Ташкент, 1966. Вып. 295. С. 106-124; К описанию народного рыбного промысла каракалпаков (по материалам из архива Н.И.Веселовского) // Вестник Каракалпакск. Фил. АН УзССР. Нукус, 1967. № 3-4. С. 113-119; Жизнь и труды

академика Васи́лия Влади́мировича Барто́льда // ОНУ. 1969. № 11. С. 12-33; В.Л.Вяткин (К 100-летию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. М., 1969. № 5. С. 235-237; Памяти видного среднеазиатского востоковеда М.С.Андреева // Научн. тр. ТашГУ. Ташкент, 1973. Вып. 456. С. 22-23; Жизнь и труды Абу Райхана Беруни в дореволюционной и советской науке // ОНУ. 1973.

№ 7-8. С. 115-130; Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. В 2-х т. Ташкент. Фан, 1976. Том I. 439с., Том II. 422с.; Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк Ташкент. Фан, 1979. 182с.; и др.

9. Этот пробел начал исправляться только в условиях независимости. Алимova Д. Историческая наука в Узбекистане в прошлом и настоящем // Алимova Д. История как история, история как наука: В 2-х т. Т. I. История и историческое сознание. Ташкент. Узбекистан, 2008. С. 24.

10. Алексеева Г., Желтова Г. Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений (20-30-е годы). Ташкент: Фан, 1977. 136 с.

11. Касымов Ф. Переход народов Средней Азии к социализму, минуя капитализм: Историографический очерк. Ташкент. Фан, 1979. 180 с.

12. Касымов Ф. Указ. раб. С. 37-48.

13. См., например, некоторые такие работы: Миронов А. Организационная и практическая деятельность Средазкомстариса (бывш. Турккомстариса) // Известия Средазкомстариса. Ташкент, 1926. Вып. 1. С. 56-67; Шишкин В. Основные проблемы истории Узбекистана и пятилетний план Института истории и археологии // Бюллетень Академии наук УзССР. Ташкент, 1946. № 9-10.

С. 34-39; Алексеева Г., Желтова Г. Указ. раб.; Саидкасимов С. Республиканское совещание по координации исследований проблем историко-партийной жизни // ОНУ. 1981. № 9. С. 74-77; Желтова Г., Макатаев А. Развитие исторической науки в Узбекистане // Проблемы истории республик Средней Азии и Казахстана в 40-50-е годы: Сб. научн. тр. Ташкент: Фан, 1989. С. 73-79; Макатаев А. Организация исторической науки Узбекистана: 1970-1980-е годы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1990. 29с.; и нек. др.

14. Старикова А., Желтова Г. Некоторые вопросы культурного строительства Узбекистана в трудах Акмаля Икрамова (20-30-е годы) // Из истории Узбекистана: Сб. научн. тр. Ташкент. ТППИ им. Низами, 1975. С. 97-102; Касымов Ф. Некоторые вопросы историографии культурной революции

у народов Средней Азии в переходный период (Обзор литературы) // История СССР. М., 1979. № 1. С. 133-149; и др.

15. Желтова Г. Социалистическое строительство в Узбекистане (20-30-е годы)... С. 115-136.